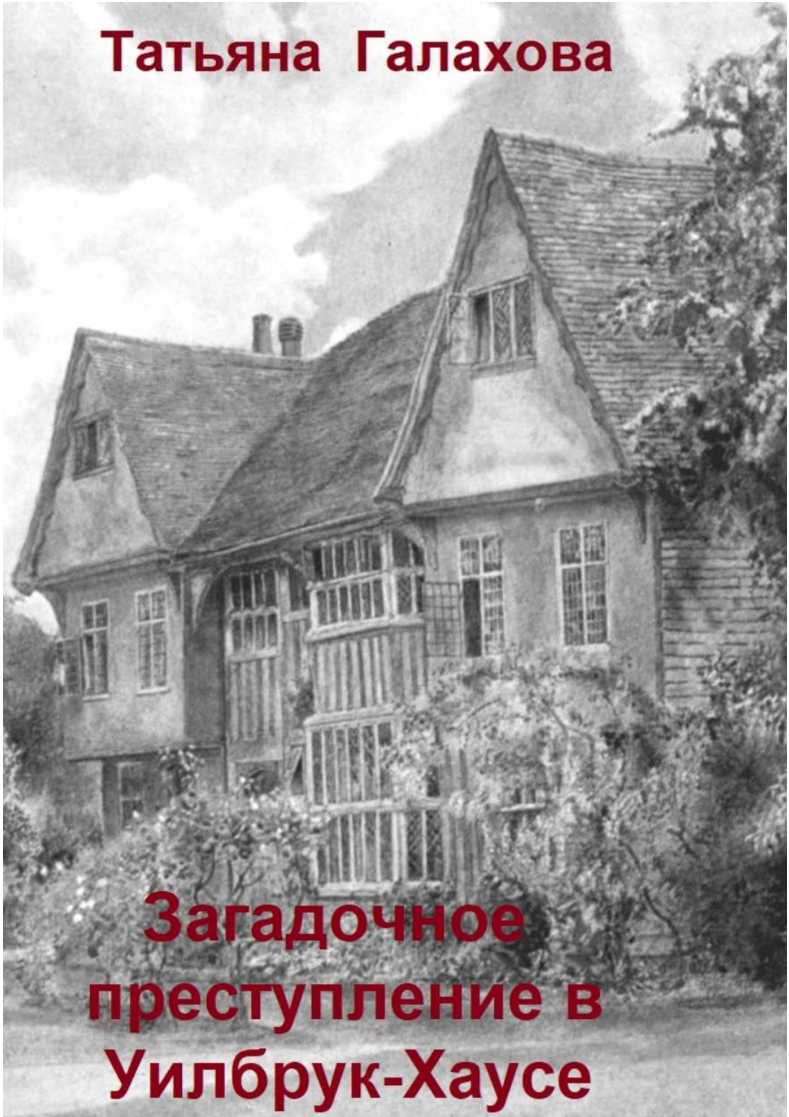
Татьяна Галахова

Загадочное преступление в Уилбрук-Хаусе

Татьяна Галахова

Загадочное преступление в Уилбрук-Хаусе

https://litres.ru/74699942
SelfPub; 2026

Аннотация

Описанные события происходят в конце 30-х годов прошлого столетия. Клэр и Грегори Меллоуз празднуют двадцатипятилетнюю годовщину свадьбы в своём доме, Уилбрук-Хаусе. На торжество собираются их родственники и друзья, а на следующий день происходит хладнокровное убийство, к расследованию которого незамедлительно приступает инспектор полиции Эшфорда Майкл Райли. Ему не составляет труда установить, что мотив и возможность совершить преступление имелись у всех участников празднества. Однако в деле слишком мало исходных данных, и инспектору приходится буквально по крупицам собирать факты и искать улики.

Тем временем убийца делает всё, чтобы запутать расследование и направить Райли по ложному пути. Вскоре в Лондоне на Кембридж-серкус умирает женщина, и следы снова приводят полицию в Уилбрук-Хаус. Инспектор применяет свою природную наблюдательность и смекалку, и находит нити, ведущие к разгадке.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 18
Глава 3 33
Глава 4 48
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Татьяна Галахова
Загадочное преступление в Уилбрук-Хаусе

Глава 1

Неяркий свет настенных ламп создавал уютную атмосферу в просторной, изысканно обставленной гостиной. В приятном полумраке Клэр Меллоуз наконец ощутила покой и расслабление. Она удобно расположилась в кресле и, сбросив туфли, с удовольствием пошевелила пальцами уставших ног. На душе у неё было легко и радостно, как бывает после окончания очень важной и сложной работы.

Женщина прикрыла глаза и мягким голосом обратилась к мужу:

– О, Грег, даже не верится, что празднование нашей годовщины уже позади! Предстоящее торжество не выходило у меня из головы весь последний месяц. Сейчас мне кажется, будто у меня с плеч груда камней свалилась.

Грегори Меллоуз, импозантный статный мужчина с благородными чертами лица и едва заметной проседью в волосах, с нежной улыбкой отозвался на слова жены:

– Так и есть, дорогая, ведь на тебе была вся подготовка

к празднику. Но я же говорил тебе, что ты совершенно зря беспокоишься. Я ничуть не сомневался в том, что всё пройдёт наилучшим образом!

– О, я знала, что ты прав, и всё же не могла не волноваться. Мы пригласили почти всех родственников, а это, согласись, большая ответственность. Хотелось, чтобы наш торжественный вечер никого не разочаровал.

– Я абсолютно уверен, что все гости остались более чем довольны. А как иначе, ведь ты постаралась на славу. Нам прислали замечательного повара из «Белого лебедя», так что угощение было просто великолепным. Про вина я вообще не говорю: «Шабли Гран Крю», «Шато Петрюс» – это же настоящий королевский выбор!

Клэр с благодарностью посмотрела на мужа:

– Спасибо, дорогой, ты всегда и во всём меня поддерживаешь.

– Потому что я люблю тебя, – ласково произнёс Грегори. – А ещё потому, что ты этого заслуживаешь.

– Что бы я без тебя делала, – счастливо выдохнула Клэр и, с наслаждением откинувшись на спинку кресла, добавила: – Подумать только, Грегори, мы отметили двадцатипятилетие со дня нашей свадьбы! Просто невероятно – мы вместе целых двадцать пять лет!

– И ни разу не пожалели об этом, ведь так, любимая?

Миссис Меллоуз довольно зажмурилась и кивнула головой, подтверждая слова мужа. Затем она поднялась с кресла

и лениво потянулась, расправляя спину. Её взгляд упал на небольшой столик возле камина, почти полностью скрытый под яркой хаотичной грудой коробок, упакованных в красивую обёрточную бумагу. Этот фейерверк красок дополняли роскошные букеты цветов в высоких вазах, стоявших рядом на полу.

– Признаться, Грег, я так толком и не рассмотрела подарки, – произнесла Клэр и, подгоняемая любопытством, приблизилась к столику.

– Что ж, это вполне естественно, ведь мы не могли вертеть их в руках под звучавшие поздравления и пожелания наших гостей.

Грегори подошёл к жене и обнял её за плечи:

– Однако вот что я скажу, дорогая: сейчас уже поздно, пойдём-ка лучше спать. Мне ведь завтра обязательно надо быть в офисе: чрезвычайно важная встреча, которую я, увы, никак не могу отменить. Однако обещаю, что вернусь раньше, и у нас будет достаточно времени распаковать все подарки и как следует их рассмотреть. Ну как, согласна?

– Принимается! – с улыбкой ответила Клэр, и вдруг её глаза загорелись, словно от предвкушения чего-то чрезвычайно приятного и желанного. – Кстати, на кухне в холодильнике нас дожидается коробка «Терриз Олл Голд»[1] от Филлис. Она знает, что это мои любимые конфеты! А ещё Айлин сказа-

[1] «Терриз Олл Голд» (“Terri’s Oll Gold”) – британская марка шоколадных конфет-ассорти компании “Terri’s”

ла, что поставила туда пирожные – их тоже кто-то из гостей принёс.

– Ну, меня-то ты этим не очень обрадовала, ведь я на дух не переношу сладкого, – улыбнулся Грегори. – Во всяком случае, пирожные и торты.

– Вот этого я, неисправимая сладкоежка, никогда не могла понять! Утешает лишь мысль, что это, пожалуй, единственное расхождение в наших вкусах, – отделалась шуткой Клэр. – И всё же я зайду на кухню, взгляну на пирожные и конфеты.

Она быстро вышла из гостиной и уже через несколько минут вернулась, держа в руках картонную коробку, перевязанную алой атласной лентой с большим бантом наверху. Нетерпеливым движением женщина развязала ленту и, приподняв крышку, произнесла с восторгом маленького ребёнка:

– О, Грег, это же «бисквиты королевы Виктории»![2] Я их просто обожаю!

На секунду лицо Клэр стало серьёзным:

– Интересно, кто передал эту коробку Айлин? Я не спросила, а она не сказала.

– Завтра узнаешь. Но кто бы это ни был, он тебе явно угодил. Впрочем, это совсем не удивительно, ведь вся наша родня знает о твоём пристрастии к бисквитам королевы Викто-

---

[2] Бисквит королевы Виктории (Victoria sponge cake) – популярные английские пирожные. Между двумя его слоями бисквита находится крем из взбитых сливок с ванилью и клубничным джемом.

рии.

Мистер Меллоуз притянул жену к себе и поцеловал в лоб.

– Что ж, дорогая, ты удовлетворила своё любопытство, а сейчас пойдём спать. Давай сюда коробку, я отнесу её снова на кухню, а ты немедленно отправляйся в спальню! – с шутливой настойчивостью проговорил Грегори.

… Было уже далеко за полночь. Клэр лежала в постели, прижавшись щекой к мягкой подушке, и ощущала приятную свежесть белоснежных простыней. Из приоткрытого окна тянуло ночной прохладой, но она никак не могла заснуть: слишком много эмоций накопилось за день. Мысли одна за другой приходили в голову и не давали расслабиться.

«Кто бы мог подумать – мы с Грегори женаты целых двадцать пять лет! Кажется, что всё было совсем недавно: и наши долгожданные встречи в укромных уголках Лондона, и прогулки в любимом Сент-Джеймсском парке[3], и походы в «Риджент-стрит Синема»[4] на премьеру очередного фильма. И вот уже двадцать пять лет со дня нашей свадьбы… Только когда же они пролетели? Как интересно, то же самое говорила и мама, но я тогда не придавала её словам никакого значения. Значит, так бывает у всех».

Клэр глубоко вздохнула, повернулась на другой бок, но

---

[3] Сент-Джеймсский парк (St. James's Park) – Королевский парк в центре Лондона, в районе Вестминстер.

[4] «Риджент-стрит Синема» ("Regent Street Cinema") – кинотеатр в Вест-Энде Лондона, один из старейших кинозалов Великобритании.

мысли по-прежнему не отступали. «Как же мне всё-таки повезло, что я встретила Грега», – почти вслух прошептала она.

Как и у большинства супругов, в их семейной жизни было всё: маленькие радости и огромное счастье, мелкие огорчения и большие удары. Но Клэр ни разу не пришлось пожалеть о том, что она связала свою судьбу с Грегори Мелоузом. Он всегда был для неё надёжной опорой и самым близким другом, а когда у них родилась дочь Глория, то стал ещё и безгранично любящим отцом.

За окном лёгкий ветерок едва слышно шелестел листьями деревьев, растущих в саду, и под эти мерные звуки Клэр мысленно перенеслась в свою молодость. Перед её глазами отчётливо всплывали картины прошлого, и она не без удовольствия отметила, что ей приятно воспроизводить их в памяти. Она с теплотой вспомнила, как Грегори, тогда ещё студент, изучающий право в Лондонском университете, красиво и настойчиво ухаживал за ней. Вот он на виду у всех присутствующих на вечеринке в Бедфордском женском колледже[5] преподносит ей целую корзину великолепных чайных роз. Её сокурсницы, ошеломлённые столь неожиданным и эффектным подарком, восторженно охали и ахали, а она от смущения совершенно растерялась и не нашлась, что сказать. А потом долго хранила в своих книгах засушенные лепестки дорогих её сердцу цветов…

---

[5] Бедфордский колледж (Bedford College) – основан в Лондоне в 1849 году как первый женский колледж высшего образования в Соединённом Королевстве.

А вот перед взором миссис Меллоуз появился прогулочный катер, на котором она с приятельницами катается по Темзе. Сверкают стёкла иллюминаторов, натянутый над палубой тент создаёт приятную тень над плетёными стульями, где расположилась вся компания. Грегори усердно развлекает девушек и так преуспевает в этом, что они едва не падают в воду от смеха. «Грег, прекрати, пожалуйста! Мне на самом деле уже плохо!» – сквозь слёзы кричит Филлис, ближайшая подруга Клэр, и другие девушки вторят ей: «Ну, хватит, Грег, хватит!» Но Грегори не унимается и начинает демонстрировать какой-то сногсшибательный фокус. Увы, довести его до конца ему не удаётся: фокус оказывается настолько мудрёным, что он путается в последовательности действий. Однако неудача ничуть не смущает юношу, и он так забавно обыгрывает свой провал, что доставляет этим ничуть не меньшее удовольствие зрительницам.

Клэр уже тогда хорошо понимала, что роль шутника на самом деле давалась Грегу не так легко, как могло показаться. Он не был балагуром по натуре и изо всех сил изображал весельчака лишь для того, чтобы завоевать её расположение. Он добивался внимания одной-единственной девушки, в которую был влюблён!

Дорогие, волнующие душу воспоминания… Клэр послышался убаюкивающий шум волн, бьющихся о борт прогулочного катера. Ей показалось, будто на неё снова повеяло свежим ветерком, идущим от воды, и она остро почувствова-

ла витающий в воздухе запах мокрой травы. В следующее мгновение она отчётливо увидела перед собой улыбающуюся Филлис в нежно-розовом платье и восхитительной широкополой шляпке, щедро украшенной крупными розами из шёлка. Её подарила девушке родственница из Бирмингема – то ли тётя, то ли кузина. И поскольку шляпки такого фасона тогда только что вошли в моду, к Филлис было приковано всеобщее внимание. Потом кто-то из подружек попросил примерить шляпку, и она начала переходить из рук в руки, пока, наконец, не оказалась на прелестной белокурой головке Велари, считавшейся самой красивой студенткой колледжа. И тогда Грегори, улучив момент, шепнул Клэр на ухо: «Она к лицу только тебе одной!»

А на следующий день он пришёл к ней с большой шляпной коробкой, на которой стоял товарный знак знаменитого лондонского магазина «Хэрродс».[6] «Это тебе», – тихо сказал он, вручая подарок. «Ну зачем?» – опешила она от неожиданности. – Это же так дорого». А юноша стоял и смотрел на неё, сияя счастливой улыбкой.

Клэр вспомнила, как Грегори повёз её знакомиться с родителями. Она всю дорогу волновалась и то и дело спрашивала у него: «Как мои волосы? Не сильно растрепались?» Он бросал на неё обожающий взгляд и в ответ лишь показывал поднятый вверх большой палец.

---

[6] «Хэрродс» (“Harrods”) – один из самых известных универмагов Лондона. Основан в 1824 году Чарльзом Генри Хэрродом.

А потом была помолвка, свадьба, незабываемый медовый месяц в Швейцарии, рождение дочери… И вот позади четверть века, которую они с Грегори прожили на редкость дружно. Небольшие разногласия, время от времени возникавшие между ними, никогда не выливались в серьёзные ссоры: всё решалось как-то само собой. Супруги любили и уважали друг друга. Спокойный и уравновешенный Грегори всегда умел найти нужные слова, чтобы уладить даже самую взрывоопасную ситуацию. Вот только в отношении Найджела Стрэнда, в которого была влюблена их единственная дочь Глория, взгляды супругов разошлись. Миссис Меллоуз с самого начала не понравился дерзковатый и острый на язык Найджел, и никакие доводы мужа не могли этого изменить. Стрэнд открыто критиковал существующие порядки и нелестно высказывался в адрес общепризнанных авторитетов. Его грубоватые манеры и нескрываемый скептицизм настораживали и даже пугали Клэр. Она считала Найджела самовлюблённым юношей, изрядно переоценивающим себя. По её мнению, люди такого рода не способны на настоящие, глубокие чувства, и поэтому была убеждена, что жениться на Глории он хочет исключительно из корыстных побуждений.

К большому недоумению Клэр, Грегори принял юношу весьма благосклонно. Позицию жены он объяснял временно ослепившей её материнской любовью. Он пытался убедить Клэр, что за колкостью и внешней неучтивостью Стрэнда вполне может скрываться обыкновенная неуверенность

в себе. «Я склонен думать, что на самом деле у парня тонкая, ранимая натура. А то, что он многое подвергает сомнению, в определённом смысле даже хорошо: он независим от чужих суждений и пытается сам найти ответы на все вопросы», – говорил он.

Однако миссис Меллоуз, всегда такая мягкая и уступчивая, на этот раз стояла на своём: «Нет-нет, Грег, ты должен как следует присмотреться к Стрэнду, ведь речь идёт о судьбе нашей дочери».

Клэр закрыла глаза. «Что ж, ещё есть время, – успокаивала она себя. – Мой муж хорошо разбирается в людях. Уверена, он скоро поймёт, что заблуждался, и мне удастся склонить его на свою сторону. Надеюсь, всё образуется».

Она попыталась расслабиться и заснуть, но мысли продолжали своё неукротимое течение. «И всё же, как хорошо, что этот суматошный день закончился!» – подумала Клэр, и в следующее мгновение перед ней одна за другой замелькали картинки совсем недавних событий. Вот Грегори под приглушённый гул голосов, выражающих любопытство и удивление, преподносит ей роскошное кольцо от «Будл и Данторн»[7] с крупным васильково-синим сапфиром, обрамлённым мерцающими бриллиантами. Для неё это было настоящим сюрпризом, ведь он и словом не обмолвился о том, что

---

[7] «Будл и Данторн» (“Boodle &Dunthorne”) – известная британская компания, производящая ювелирные изделия класса люкс. Основана в 1798 году Эдвардом Будлом.

готовит ей такой подарок! Только теперь Клэр вспомнила, как однажды незадолго до годовщины свадьбы она неожиданно зашла в рабочий кабинет Грега, и он резко прервал телефонный разговор. Однако она успела расслышать фразу: «Что ж, пусть будет так: я вполне доверяю вашему вкусу». Когда она полюбопытствовала, о чём шла речь, муж ответил, что собирается заменить кое-какую мебель в своём офисе и обратился к специалисту в этой области. Теперь-то Клэр было понятно, что Грег созванивался с ювелиром, и она даже знала, что навело его на мысль сделать ей такой дорогой подарок. Однажды в каком-то женском журнале она прочитала статью о ведущих английских ювелирных домах. Статья сопровождалась красочными фотографиями украшений, изготовленных лучшими мастерами Англии. Она выразила восхищение их изысканной красотой и разнообразием. Особенно Клэр восторгалась драгоценностями с сапфиром, и, видимо, Грег запомнил это.

Миссис Меллоуз невольно улыбнулась. «Мой щедрый и внимательный муж, – с любовью подумала она. – Он хорошо знает, что у меня предостаточно украшений, и, тем не менее, в очередной раз решил доставить мне удовольствие».

Клэр воспроизвела в памяти момент, когда Грегори надевал ей на палец кольцо, а она, не отрывая глаз, любовалась безупречным по цвету камнем. Раздались аплодисменты гостей, она повернула голову в их сторону и увидела застывшее лицо Мэгги Флеминг, жены брата. Женщина ещё не успела

спрятать за добродушной улыбкой свои истинные эмоции и смотрела на Клэр с нескрываемой завистью. Во всяком случае, ей так показалось. Впрочем, почему показалось? Мэгги всегда мучительно страдала от чужих радостей, пусть даже самых незначительных, и в этом они с Рупертом составляли вполне гармоничную пару. Брат был вечным нытиком и с самого детства считал, что ему катастрофически не везёт в жизни. Сколько она его помнит, он постоянно жаловался на те или иные обстоятельства, которые якобы мешали ему добиться успеха. «Тебе хорошо, – частенько говорил он ей, – ты удачно вышла замуж. Грегори сделал блестящую карьеру и приумножил состояние, которое досталось тебе от родителей. Ты за ним, как за каменной стеной, и тебе не нужно ломать голову над тем, как сохранить своё положение и увеличить доход». Когда Клэр тактично напоминала ему, что он получил такую же долю наследства, Руперт отчаянно возражал: «Деньги сами по себе – ничто, их нужно выгодно вложить в дело, а фортуна мне, в отличие от тебя, никогда не улыбалась. Мне всего пришлось добиваться самому!»

После женитьбы Руперт стал брюзжать ещё больше, потому что Мэгги лишь подогревала его недовольство судьбой. И хотя они далеко не бедствовали, постоянное сравнение себя с кем-то более успешным и благополучным вызывало в их сердцах зависть и лишало душевного покоя.

«А тут ещё тётя Элеонор объявила, что отписала мне в своём завещании большую долю, чем Руперту и кузине Лор-

не», – с ужасом вспомнила Клэр и глубоко вздохнула. Она сказала тёте, что такое решение лишь подбросит угли в костёр зависти Флемингов, и долго умоляла её разделить всё поровну между тремя наследниками. Однако миссис Аттвуд, гордая и независимая женщина, не поддавалась никаким уговорам.

«Конечно, где-то тётя права: если по справедливости, то Руперт и Мэгги не заслуживают и причитающейся им доли, – рассуждала Клэр. – Они не принимают никакого участия в её жизни, а ведь она не так уж и много требует – всего-навсего чуточку заботы и внимания. Доля Лорны в завещании такая же, как у брата, только она и не претендует на большее. Хотя я нисколько бы не возражала, если бы тётя распределила деньги между нами поровну».

Мысли Клэр невольно переключились на кузину: «Бедная Лорна, неужели она и в самом деле не догадывается, что Брэндон Хоскинс женился на ней ради денег? Похоже, об этом знают все, кроме самой Лорны». Она словно увидела перед собой тихую, ничем неприметную женщину с немного испуганным взглядом и рядом с ней – высокого, атлетически сложенного блондина с манерами человека, уверенного в собственной неотразимости. Брэндон был самовлюблённым эгоистом, жаждущим лишь денег и удовольствий, которые они могут дать. С самого начала их знакомства опытный глаз закалённого в любовных интригах Хоскинса безошибочно определил, что Лорна безумно в него влюблена, и он решил

не упустить свой шанс. Их роман развивался стремительно, и, к полной неожиданности родственников, вскоре они поженились. Лорна обожала Брэндона и была ему преданной женой, а он старательно играл роль нежного и заботливого мужа. Впрочем, Лорне этого было вполне достаточно, чтобы чувствовать себя счастливой.

«Думаю, для Брэндона не столь уж и сложно изображать из себя любящего супруга, – предположила Клэр, – ведь половину своего времени он проводит вне дома: то едет по делам в Лондон, то отправляется на скачки или очередные соревнования по теннису. В этих разъездах он заводит интрижки и отдыхает от семейной жизни. Брэндон уверен, что даже если Лорна узнает об его изменах, она всё равно будет терпеть и прощать их… Интересно, любил ли он хоть чуточку свою жену? Вряд ли. Такие мужчины, как Брэндон, не способны на любовь. А может, кузина всё же догадывается об этом, но просто делает вид, что ничего не знает?»

В кронах раскидистых деревьев за окном по-прежнему гулял ветерок. Постепенно эмоциональная усталость брала своё, мысли начинали путаться, и вскоре Клэр заснула.

Глава 2

Будить жену Грегори Меллоуз не стал: он знал, что после вчерашнего празднования со всеми предшествующими ему приготовлениями ей нужен хороший отдых. Он бы и сам не отказался часок-другой полежать в постели, но его присутствие в конторе в этот день было необходимо как никогда.

Меллоуз быстро позавтракал, собрался и, дав кое-какие незначительные распоряжения горничной Айлин Дикс, вышел из дому. Солнце уже светило вовсю, из глубины сада доносилось пение птиц, и он с наслаждением вдохнул свежий утренний воздух с разлитым в нём сладковатым ароматом лаванды и роз.

Вскоре Грегори уже мчался на своём «Роллс-Ройсе» по знакомой дороге, ведущей в Мейдстон, где находилась возглавляемая им крупнейшая в городе адвокатская контора. За окном автомобиля мелькали пейзажи, которые Грегори видел несчётное количество раз, поэтому иногда ему казалось, что он различает даже деревья, растущие по обочинам дороги. В этом не было ничего удивительного: он проделывал этот путь уже много лет – с тех пор, как после смерти родителей Клэр получила в наследство Уилбрук-Хаус, и они приняли решение основаться в фамильном особняке её семьи.

Когда-то этот внушительный по размерам дом, построенный в викторианскую эпоху, находился в окрестностях Эш-

форда. Но город рос и подступал к нему всё ближе и ближе, и в начале столетия местность, на которой он стоял, стала окраиной Эшфорда.

Меллоуза никогда не привлекал суматошный Лондон с его стремительным ритмом, невообразимым шумом и неисчислимыми толпами людей, снующих по улицам. Наверно, поэтому он был вполне доволен своей размеренной жизнью в небольшом тихом городке, спокойная атмосфера которого очаровала его с самого первого приезда. Он сразу полюбил утопающий в зелени Уилбрук-Хаус и его большой тенистый сад с множеством фруктовых деревьев и кустарников.

И сейчас, сидя за рулём автомобиля, Грегори вспоминал, как в погожие дни они всей семьёй пили чай под старой яблоней, и как трогательно было наблюдать за маленькой Глорией, не сводящей глаз с пёстрой стайки бабочек. Они порхали над благоухающими розами, а когда на минуту останавливали своё кружение и опускались на цветы, дочь на цыпочках подходила к розовому кусту и, затаив дыхание, рассматривала их вблизи. А потом она, лёгкая, почти воздушная, сама похожая на мотылька, гонялась за неуловимыми бабочками, наполняя сад радостным смехом.

Дорога всё бежала вперёд серой лентой, и с приятных воспоминаний ушедших дней мысли Грегори обратились к настоящему. «Как жаль, что Глория, наш самый близкий и дорогой человек, не смогла присутствовать на вчерашнем торжестве, – с досадой подумал он. – Ну ничего, ведь она обе-

щала навестить нас сразу же, как только вернётся из Греции. Было бы замечательно, если бы она приехала вместе с Найджелом – у Клэр появилась бы возможность узнать его получше. Жену стоит понять: просто она ещё не свыклась с мыслью, что рано или поздно нам придётся расстаться с дочерью. Её сознание пока не может принять того, что Глория вдруг взяла, да и повзрослела! И не просто повзрослела, а ещё и влюбилась, и, конечно же, влюбилась не в того, в кого надо. Но ведь будь на месте Найджела Стрэнда любой другой юноша, он всё равно был бы для Клэр «не тем человеком». Однако я думаю, что она ошибается насчёт него: Стрэнд хороший парень. Да, он излишне экспрессивен, иногда любит порисоваться, но то, что он говорит, вовсе не лишено смысла. В молодости нам всем хотелось перевернуть мир, привнести в него любовь и согласие, сделать добрее и справедливее. Я не вижу в этом ничего плохого или опасного. Со временем он остынет, остепенится, но его честность и прямота останутся при нём. Парень стремится к знаниям, он трудолюбив, в меру амбициозен, а такой набор качеств обычно приносит хорошие плоды».

Тем временем до Мейдстона оставалось рукой подать. Вскоре впереди показалась окраина города с рядами двухэтажных террасных домов, и через каких-нибудь десять минут Грегори уже входил в адвокатскую контору «Меллоуз энд Лоддер Атторниз».

… К часу дня все дела наконец были закончены, и Мелло-

узу оставалось лишь доделать кое-какую бумажную работу. Он взял со стола нужную папку и собирался раскрыть её, но громкая трель телефонного звонка остановила его.

«Это Клэр, – с теплотой подумал Грегори. – Она ждёт меня, ведь я обещал ей вернуться раньше».

Он снял трубку и услышал взволнованный голос горничной Айлин Дикс:

– Мистер Меллоуз, приезжайте скорее! Здесь такое случилось, даже и не знаю, как сказать… Хозяйка…

Женщина замолчала, и на другом конце провода Грегори услышал едва сдерживаемые всхлипывания.

– Что произошло?! – почти выкрикнул он.

– Хозяйка… она…

– Что она?! Да говори толком, Айлин!

– Миссис Меллоуз лежит неподвижно в постели, и глаза у неё закрыты. Я звала её, но она… она не отвечает! – женщина шмыгнула носом и, сдерживая слёзы, продолжила: – Сэр, похоже, она… не живая.

Грегори услышал, как бешено забилось его сердце, и ему показалось, что земля поплыла под ногами.

– Что?! Что ты говоришь, Айлин?! Я немедленно выезжаю! – выкрикнул он каким-то чужим, сдавленным голосом.

Дрожащей от волнения рукой Меллоуз набрал номер доктора Берни Пейна и передал ему содержание разговора с горничной. Затем, никому ничего не объясняя, опрометью выбежал из офиса, и уже через несколько минут его автомобиль

нёсся на большой скорости по направлению к Эшфорду.

Всю дорогу в голове Грегори пульсировали слова Айлин Дикс: «Похоже, она не живая», и их эмоциональное воздействие было равно выстрелу в упор. Он не помнил, как добрался до Уилбрук-Хауса, потому что пришёл в себя только когда его «Роллс-Ройс» свернул на подъездную аллею, ведущую к дому.

В холле его поджидала всхлипывающая Айлин – темноволосая женщина плотного телосложения. Её раскрасневшееся округлое лицо с довольно грубоватыми чертами и заплаканными глазами выглядело взволнованным и испуганным.

– Доктор в гостиной, сэр, – тихо произнесла она и фартуком вытерла слёзы.

Грегори стремительно пересёк холл и рывком открыл тяжёлую дубовую дверь. По мрачному виду Берни Пейна он понял, что произошло страшное и непоправимое, и предчувствие его не обмануло. Едва взглянув на Меллоуза, доктор тут же отвёл глаза, словно был в чём-то перед ним виноват.

– Сожалею, но ваша жена мертва, – констатировал он. – Я уже ничем не мог ей помочь.

– Как мертва?! – в ужасе прошептал Грегори, но ему показалось, что он крикнул во весь голос.

– К сожалению, это так, – ответил доктор и потупил взгляд.

Меллоуз почувствовал, как комок подступил к горлу: он отчаянно замотал головой, как будто хотел отбросить

подальше от себя столь внезапно обрушившуюся на него страшную новость.

– Этого не может быть! Понимаете? Не может быть! – отчаянно протестовал он. – Что могло случиться с Клэр?! Когда я покидал дом, она была в добром здравии.

– Мне трудно сказать, что послужило причиной смерти вашей жены, но всё это кажется весьма странным… В любом случае, ответ будет известен только после вскрытия.

– Но мне надо увидеть Клэр, я должен её увидеть, – проговорил Грегори и, резко развернувшись, быстро вышел из гостиной.

Он устремился вверх по лестнице, и доктор Пейн почти бегом последовал за ним:

– Думаю, вам лучше не входить в спальню миссис Меллоуз, – громко предупредил он. – Давайте дождёмся полицию, я уже позвонил им.

… Через четверть часа прибывший в Уилбрук-Хаус инспектор Майкл Райли внимательно выслушал доктора Пейна, который провёл поверхностный осмотр тела.

– На первый взгляд кажется, что смерть миссис Меллоуз наступила от резкой остановки сердца: на её губах и кончиках пальцев хорошо заметен синеватый оттенок, но… – доктор замолчал, словно не решался продолжить.

– Вас что-то смущает? – спросил Райли, заметив его колебание.

– Признаться, да. Понимаете, у женщины было здоровое

сердце. Я как семейный врач супругов Меллоуз могу вас в этом заверить. Есть и ещё одно обстоятельство. Перед тем, как подняться в спальню, она жаловалась на головную боль и тошноту. Об этом мне рассказала горничная. – Доктор на минуту умолк, провёл пятернёй по седым волосам и, кашлянув в кулак, осмелился сказать то, что беспокоило его с самого начала: – Возможно, мои слова покажутся вам бредом, но я допускаю, что женщина была отравлена.

– Что ж, благодарю за информацию, – вежливо произнёс Райли. Вопреки опасениям Пейна, на его сосредоточенном лице не промелькнуло ни тени удивления. – Ничего нельзя исключать до проведения вскрытия. Мы непременно установим причину смерти миссис Меллоуз. А пока у меня к вам всё, можете быть свободны.

Однако доктор не уходил. Он выглядел потерянным и искренне опечаленным смертью женщины.

– Я думаю, мне лучше остаться в доме, ведь Грегори сейчас нельзя находиться одному.

– Да-да, конечно, – согласно кивнул головой детектив.

– Наверно, нужно сообщить о происшедшем близким мистера Меллоуза, – произнёс доктор так, что было непонятно, спрашивает он или утверждает.

– Пожалуй, – согласился Райли. – Что ж, если вас это не затруднит, предложите мистеру Меллоузу свою помощь.

Когда Берни Пейн открыл дверь, чтобы удалиться, до гостиной долетели звуки, похожие на тихие всхлипывания. Их

издавала горничная Айлин Дикс, сидящая в холле на диванчике и вытирающая платком свой хлюпающий нос. Она была единственным человеком, кто с самого утра находился в доме вместе с миссис Меллоуз, а потому могла оказаться важным свидетелем. Райли окликнул её и пригласил для беседы. Он попросил женщину как можно подробнее рассказать, чем занималась её хозяйка до того, как поднялась в спальню, что она ела и пила. От волнения горничная не знала, куда деть руки, и без конца теребила край белого накрахмаленного фартука, надетого поверх форменного платья.

– Сегодня хозяйка встала позже обычного – около десяти часов утра, – тщательно подбирая слова, заговорила миссис Дикс. – Она попросила меня приготовить ей на завтрак яичницу с беконом. За столом миссис Меллоуз была такой весёлой и счастливой. «Ах, Айлин, – сказала она мне, – как хорошо, что вчерашнее торжество наконец-то позади! Ты и представить себе не можешь, как сложно организовать торжественный приём: столько хлопот и волнений». Когда она покончила с едой, то велела мне принести коробку с пирожными. Миссис Меллоуз открыла её: в ней было шесть «бисквитов королевы Виктории» – это любимое лакомство хозяйки. Она взяла два из них, потом протянула коробку мне и предложила угоститься. Миссис Меллоуз была такой доброй, – голос горничной сорвался, и она еле слышно выдавила сквозь слёзы: – Она… она часто угощала меня всякими сладостями…

Инспектор вопросом прервал всхлипывания женщины:

– Скажите, что это были за пирожные? Кто и где их покупал?

Айлин прекратила хлюпать носом и растерянно посмотрела на Райли:

– Их никто не покупал.

Поймав на себе его удивлённый взгляд, она тут же поспешила объяснить:

– Я хочу сказать, что никто из прислуги пирожные не покупал, и сама миссис Меллоуз их не покупала. Вчера хозяева отмечали двадцать пятую годовщину своей свадьбы и допоздна принимали гостей. В доме весь день было людно. Хозяйка наняла для обслуживания праздничного ужина повара и официантов из «Белого лебедя», да и мы все без конца сновала туда-сюда, ведь у каждого было полно работы. А вечером гости стали собираться. Когда я помогала на кухне нашей кухарке Пэрис, меня окликнула Филлис Кроуди, подруга хозяйки. Она держала коробку с конфетами и сказала, что миссис Меллоуз попросила отнести её сюда. Я вышла в коридор, взяла у неё конфеты и увидела на столе, что стоит возле кухонной двери, эту самую коробку с пирожными. Она была перевязана алой лентой с бантом. Ну, как обычно оформляют торты и другие сладости к праздникам. Я подумала, что это тоже подарок для хозяев и поставила обе коробки в холодильник.

– И никакой открытки или визитки к коробке не прилага-

лось? – скорее заключил, нежели спросил Райли.

– Нет, сэр.

– В какое примерно время это было?

– Хм… Думаю, около восьми вечера. Гости уже собрались в обеденном зале, и им начали подавать закуски и салаты.

– Не видели ли вы ранее эту коробку у кого-нибудь в руках?

– Нет, не видела.

– А до того, как миссис Кроуди передала вам конфеты, вы не выходили в коридор?

– Что вы, столько работы было! Я почти весь день на кухне крутилась.

– Понятно. Итак, я прервал вас на том, что миссис Меллоуз предложила вам угоститься пирожным. Что было дальше?

– Я поблагодарила её и взяла бисквит.

– Вы его съели?

– Нет, оставила для пятичасового чая. Он в холодильнике на блюдце лежит, – Айлин резко подняла на инспектора свои близко посаженные карие глаза, которые придавали ей простоватый и несколько наивный вид. Только сейчас в них читалась тревога, и женщина взволнованно спросила: – Вы думаете, что хозяйка умерла… из-за пирожных? Они были отравленные?

Не дожидаясь ответа, она заплакала и закрыла лицо руками.

– Ну, ну, успокойтесь, – деликатно остановил её слёзы

Райли. – Пока ещё никто ничего не знает, поэтому рано говорить о причине смерти миссис Меллоуз. К тому же, пирожное вы не съели, так что вам в любом случае нечего бояться.

Горничная перестала плакать, но её пальцы продолжали нервно перебирать оборку фартука:

– Когда я взяла пирожное, миссис Меллоуз пошутила: «Отнеси остальные на кухню, Айлин, а то я за себя не ручаюсь, ведь «бисквиты королевы Виктории» – моя слабость. Так что соблазн слишком велик!»

Горничная замолчала и шмыгнула носом.

– И что потом? – вежливо поторопил её инспектор.

– После завтрака миссис Меллоуз с кем-то разговаривала по телефону. Я только услышала, как она сказала: «Голова сильно разболелась, думаю, мне нужно немного отдохнуть». Когда она вышла из гостиной, я спросила, какие будут распоряжения относительно ланча. Дело в том, что после вчерашнего приёма кухарка Пэрис Бичем попросила выходной, поэтому все завтраки и ланчи сегодня на мне. Хозяйка ничего на этот счёт не ответила, а лишь тихо проговорила: «Что-то мне не хорошо, Айлин. Голова болит и тошнит немного. Пойду прилягу. Если вдруг усну, разбуди меня через два часа». Я взглянула на неё, и мне показалось, что она побледнела. И вообще, выглядела совсем не так, как за завтраком. Потом она поднялась в свою спальню, а я в это время выполняла всякую работу на кухне. Как миссис Меллоуз и просила, через пару часов я постучала ей в дверь, но она не ото-

звалась. Я постучала громче, и снова никакого ответа. Тогда я заглянула в комнату и увидела, что она лежит в постели, но в какой-то странной позе: голова сильно заброшена вверх, а правая рука свисает с кровати. Я вошла и позвала её, но она не откликнулась. Да что там, она даже не шевельнулась! Сначала я подумала, что хозяйка потеряла сознание, но потом… потом мне показалось, что она… умерла. У меня сердце так и ушло в пятки! Я сильно испугалась и побежала звонить мистеру Меллоузу. Вот и всё, – выдохнула Айлин.

Райли внимательно слушал её, стараясь запомнить каждое произнесённое женщиной слово.

– Итак, за завтраком ваша хозяйка съела яичницу с беконом, правильно? – уточнил он.

– Да.

– А затем выпила чай с двумя пирожными.

– Да, так, – снова кивнула головой горничная.

– Что ж, а сейчас проводите меня на кухню, я хотел бы там осмотреться. Мы заберём коробку из-под пирожных для выяснения, где она была приобретена.

– Следуйте за мной, сэр, – услужливым тоном ответила Айлин.

Через внушительных размеров холл она провела инспектора на вторую половину дома. У деревянной лестницы с конусообразными балясинами и богато украшенными перилами они свернули в довольно длинный коридор. Возле массивной деревянной двери женщина остановилась.

– Это и есть кухня, – сообщила она.

– А это, как я понимаю, тот самый стол, на котором стояла коробка с пирожными?

– Да, сэр.

Небольшой стол, покрытый белой льняной скатертью, стоял слева от кухонной двери. Райли на минуту остановился возле него, затем вошёл на кухню, и ему сразу бросился в глаза царивший здесь порядок: тёмный паркет сиял чистотой, на стене висели в ряд сковороды, на полках были аккуратно расставлены кастрюли, начищенные до блеска.

Айлин достала из холодильника коробку и подала инспектору:

– Вот, возьмите.

– Вы запомнили, как крепились на коробке лента и бант? – поинтересовался Райли после того, как переложил пирожные в стеклянную банку.

– Да, сэр, запомнила.

– Тогда помогите, пожалуйста, восстановить её первоначальный вид. И подскажите, где я могу найти мистера Мелллоуза?

– Он наверху, в своём кабинете, и с ним доктор, – ответила горничная и дрогнувшим голосом добавила: – Бедняга, представляю, каково ему сейчас.

Она поднесла к глазам платок, чтобы промокнуть подступившие слёзы.

– Да, вашему хозяину не позавидуешь… Что ж, благода-

рю вас, вы можете заниматься своими делами. Если вы нам снова понадобитесь, мы с вами свяжемся.

Райли вышел в холл и направился к лестнице. Поднявшись на второй этаж, он без труда нашёл кабинет, так как его дверь была приоткрыта. Хозяин дома сидел в высоком кожаном кресле: он опустил голову на ладони, и его лица не было видно. В углу комнаты на небольшом диванчике расположился доктор Пейн. Оба молчали.

– Мистер Меллоуз, – нарушил тяжёлую, давящую тишину инспектор, – есть основания предполагать, что ваша жена умерла от яда. Завтра будет произведено вскрытие, и мы узнаем точную причину, вызвавшую её смерть. Если подозрения подтвердятся, мне необходимо будет побеседовать с вами.

Меллоуз распрямился и посмотрел на Райли отстранённым, безжизненным взглядом. Однако Майкл отметил благородную красоту мужчины, которую не могло перечеркнуть даже обрушившееся на него горе.

– Да-да, я понимаю, – едва заметно кивнул он головой. – Только скажите, пожалуйста, как Клэр могла отравиться? Что с ней произошло?

– Хотел бы я ответить на ваш вопрос, но, к сожалению, пока не могу. Мы забрали на исследование пирожные, которые сегодня утром ела ваша жена.

– Делайте всё, что сочтёте нужным, инспектор, – тихо произнёс Меллоуз. – И если вам потребуется, приходите в лю-

бое время.

Глава 3

Около полудня следующего дня Райли подходил к Уилбрук-Хаусу. Даже издали старинный особняк производил впечатление незыблемости и надёжности. Фасад дома украшали два изящных эркера, а на его двускатной крыше, словно зоркие глаза птицы, притаились небольшие мансардные окна.

Дверь открыла уже знакомая инспектору горничная Айлин Дикс. Она проводила его в сад, где в беседке, увитой роскошными плетистыми розами, сидел Грегори Меллоуз. Он выглядел так, как выглядит человек, не спавший по меньшей мере несколько дней: его глаза были красными и припухшими. Однако, несмотря на измученный вид, мужчина поднялся и с достоинством протянул инспектору руку для приветствия.

– Сожалею, что вынужден беспокоить вас в такое время, – начал разговор Райли, – но опасения доктора Пейна полностью подтвердились. Ваша супруга действительно была отравлена: в её организме обнаружена высокая концентрация дигиталиса. Это сердечный препарат для лечения хронической сердечной недостаточности, но при передозировке он начинает действовать как опасный яд и может вызвать остановку сердца. Дигиталис содержался в пирожных, которые мы забрали на экспертизу.

Меллоуз посмотрел на инспектора недоумевающим взгля-

дом, и, слегка запинаясь, произнёс: – Получается, кто-то намеренно… отравил Клэр?!

Райли утвердительно кивнул головой.

– Просто невероятно, – прошептал Грегори и его голос дрогнул, выдавая внутреннее напряжение. – Но как преступник смог добавить дигиталис в пирожные?

– На самом деле это совсем не сложно сделать. Между двумя слоями «бисквита королевы Виктории» находится крем из взбитых сливок с ванилью и клубничным джемом. Если осторожно отделить верхний слой, то будет легко подсыпать в крем предварительно измельчённые таблетки.

Открыв Меллоузу немудрёный секрет отравителя, Райли задал ему свой первый вопрос:

– Скажите, кто-нибудь в вашем доме принимает это лекарство?

– Насколько я знаю, нет. Ни у кого из нашей прислуги никогда не было проблем с сердцем.

– Позавчера вы с супругой отмечали двадцать пятую годовщину свадьбы. Назовите, пожалуйста, тех, кто присутствовал на вашем семейном торжестве.

По лицу Меллоуза было видно, что ему мучительно больно вспоминать о том дне, однако, глубоко вздохнув, он пересилил себя:

– На ужин было приглашено шесть человек: брат Клэр Руперт Флеминг с женой Мэгги; кузина супруги Лорна Хоскинс с мужем Брэндоном; мой племянник Энгус Бэйли и по-

друга Клэр Филлис Кроуди.

Инспектор записал в блокнот все прозвучавшие имена.

– А сколько прислуги было в доме в тот вечер?

– Мы держим четырёх слуг: экономку Джейн Тронтон, кухарку Пэрис Бичем и двух горничных: Айлин Дикс и Эмму Сондерс. Все они с самого утра занимались подготовкой к праздничному ужину.

– С миссис Дикс я вчера уже побеседовал, но мне обязательно нужно поговорить и с остальной прислугой. Кстати, Айлин Дикс упомянула, что для обслуживания гостей был приглашён персонал из ресторана «Белый лебедь».

– Да, Клэр действительно обратилась… – мужчина внезапно замолчал, затем заговорил так, словно каждое слово давалось ему с усилием: – Клэр обратилась к хозяйке ресторана, и она прислала нам повара и двух официантов. Конечно, наша прислуга сама вполне бы справилась с работой, но жена хотела, чтобы всё было на высшем уровне. Сначала она вообще задумала отметить годовщину в каком-нибудь лондонском ресторане, но для некоторых наших гостей это было бы не совсем удобно. Поэтому мы решили провести торжество здесь, в Уилбрук-Хаусе.

– Скажите, кроме упомянутых вами лиц, больше никто не навещал вас в тот день?

Меллоуз на секунду задумался.

– Ах да, простите, совсем забыл… Приезжал друг нашей дочери Глории, молодой человек по имени Найджел Стрэнд.

К сожалению, Глория не смогла присутствовать на праздничном ужине, поэтому молодой человек заскочил буквально на несколько минут, чтобы поздравить нас с женой и передать подарок. Мы просили его остаться, но он извинился и уехал. Впрочем, его отказ был вполне понятен: думаю, без Глории он чувствовал бы себя среди наших родственников и друзей несколько неловко.

– Я полагаю, у вашей дочери была серьёзная причина пропустить семейный праздник?

– Разумеется. Ещё два месяца назад Глория выиграла поездку в Грецию, однако о точной дате отправления стало известно лишь совсем недавно. Она должна была с группой отправиться в Афины за три дня до намеченного торжества. Глория хотела отменить путешествие, но мы знали, как она его ждала, и не захотели лишать её этого удовольствия. Поэтому мы убедили дочь не менять своих планов. Она позвонила нам из Афин и поздравила с годовщиной свадьбы. Сказала, что Найджел специально приедет в Эшфорд, чтобы вручить нам их общий подарок.

– Насколько я понял, этот Стрэнд не просто друг вашей дочери?

– Вы не ошиблись, – подтвердил предположение инспектора Меллоуз.

– От вашей горничной я узнал, что торжество было назначено на восемь часов вечера. В какое время начали собираться гости?

Мужчина потёр лоб кончиками пальцев, пытаясь воспроизвести в памяти события того рокового дня.

– Первым приехал из Лондона мой племянник Энгус Бэйли, – медленно проговорил он. – Это было около полудня. Затем… примерно за три часа до праздничного ужина подошла Филлис Кроуди. Клэр попросила её прийти пораньше – помочь определиться с выбором украшений и обсудить массу других женских тонкостей. Остальные стали собираться примерно за час до начала торжества.

– Мистер Меллоуз, постарайтесь вспомнить, видели ли вы позавчера в доме коробку с пирожными, которую Айлин взяла со стола возле кухни? Может, до того, как все заняли места за праздничным столом, она была у кого-то в руках?

– Нет, эта коробка мне на глаза не попадалась, – отрицательно покачал головой Грегори. – А, может, я просто её не заметил, ведь здесь с самого утра царила невероятная суматоха. Прислуга выполняла различные поручения Клэр, официанты из «Белого лебедя» занимались праздничным столом и без конца сновали между кухней и обеденным залом.

– Да-да, конечно, – понимающе произнёс Райли.

О коробке с пирожными он спрашивал формально, ничуть не рассчитывая получить хоть какую-либо информацию на этот счёт. Не вызывало сомнений, что преступник действовал предельно осторожно и вряд ли рискнул появиться с уликой на глазах у стольких людей.

– Тогда позвольте мне перейти к весьма деликатному во-

просу, – вежливым, но твёрдым голосом заговорил инспектор. – Полагаю, вы знаете, что корыстный мотив убийства является одним из самых часто встречающихся в криминальной практике. Именно поэтому меня интересует, оставила ли миссис Меллоуз распоряжения на случай смерти, и если да, то к кому отходит её состояние.

– Всё в порядке, инспектор, я знал, что вы непременно спросите меня об этом. Своё первое завещание Клэр составила вскоре после того, как мы поженились. Собственно, мы оба в один день составили свои завещания – на этом настоял наш семейный адвокат. Их содержание было простым: всё, чем владел я, наследовала жена, а её имущество, соответственно, переходило ко мне. В прошлом году, когда нашей дочери Глории исполнился двадцать один год, Клэр решила изменить своё завещание. Согласно новому документу, теперь её состояние делилось поровну между мною и Глорией. Также супруга упомянула в завещании свою давнюю подругу Филлис Кроуди – ей она оставила триста фунтов. Кстати, тогда же и я внёс некоторые изменения в своё завещание. В обновлённый документ я включил Энгуса Бэйли, своего племянника: в случае моей смерти к нему должны отойти десять процентов от моего состояния. Я не упоминал его раньше, потому что во время составления предыдущего завещания Энгус был совсем маленьким, да и его родители были ещё живы. Вот, собственно, и всё.

– Позвольте вернуться к последнему завещанию вашей

жены. Глория знала о его содержании?

– Да. Мы от дочери ничего не скрывали, тем более, информацию относительно её будущего материального благополучия.

– Итак, вы ничего не скрывали от дочери, а она, в свою очередь, могла ничего не скрывать от Найджела Стрэнда. Если это так, то тогда, вероятнее всего, он тоже был в курсе дела.

– Думаю, что да, но утверждать не берусь.

Однако от инспектора не ускользнуло беспокойство, на секунду промелькнувшее в глазах мужчины. Он приоткрыл рот, как будто собирался продолжить говорить, но в последний момент передумал.

– Вы хотели что-то добавить? – вежливо подтолкнул его Райли.

– Да, – всё же решился на откровенность Грегори. – Месяц тому назад Клэр решила исключить Глорию из завещания и снова назвать единственным наследником меня. Однако она не успела этого сделать.

– В таком случае мне хотелось бы знать причину, по которой ваша жена хотела лишить Глорию наследства. Согласитесь, это весьма странное решение, ведь речь идёт о вашем единственном ребёнке.

– Видите ли… – на лице Грегори отразилось некоторое замешательство. – Примерно полгода назад Глория познакомилась с Найджелом Стрэндом, студентом Лондонского

университета. Я о нём уже упоминал. Дочь определённо дала нам понять, что любит его и собирается связать с ним свою дальнейшую жизнь. Она несколько раз приезжала сюда с Найджелом. Не могу сказать, что я нашёл его достойной для дочери партией, но мне он показался неплохим парнем. Он ершистый, горячий, критически относится к существующим в обществе порядкам, но я думаю, это у него вовсе не от желания произвести впечатление. Многие молодые люди, не имеющие достаточной материальной поддержки, вдохновляются идеями о более справедливом переустройстве мира. Скорее, это одно из проявлений юношеского максимализма. Однако Клэр с самого начала восприняла Стрэнда настороженно. Она считала, что он типичный охотник за деньгами, разыгрывающий из себя влюблённого, и именно это привело её к решению исключить дочь из завещания. Клэр по-своему хотела оградить Глорию от тех, кого в ней привлекают только родительские деньги. Я пытался переубедить жену, но она верила, что материнское сердце её не обманывает. Тогда я подумал, почему бы не переписать завещание, если ей так будет спокойнее? Ведь эти изменения делали нашу дочь зависимой от нас только на бумаге. Глория никогда ни в чём не нуждалась, и мы в любом случае обеспечили бы её должным образом. – Мужчина замолчал, и по его лицу пробежала мрачная тень. – Однако Клэр не пришлось ничего переписывать, – со вздохом добавил он.

Не дав Меллоузу уйти в свои мысли, детектив поспешил

со следующим вопросом:

– Скажите, вашей дочери было известно о намерении матери переписать завещание?

– Да, она об этом знала, – не совсем охотно ответил Грегори. – Дело в том, что три недели назад Глория приехала к нам на выходные. У неё всегда были доверительные отношения с матерью: они делились друг с другом абсолютно всем: своими планами, радостями, переживаниями. Я даже не могу припомнить случая, когда они серьёзно ссорились. Однако на этот раз между ними произошла стычка – этакая словесная перепалка. Дело в том, что Клэр довольно резко прошлась по Стрэнду: она изо всех сил пыталась убедить дочь в своей правоте, но Глория лишь твердила, что любит Найджела и что он тоже любит её. Жена не сдержалась и заявила, что собирается вычеркнуть её из завещания и тем самым лишить возможности в будущем пользоваться нашими деньгами. Помню, в запале у неё вырвалось: «Уверена, если об этом узнает твой любимый Найджел, его и след простынет».

– И как Глория отреагировала на слова матери?

– Она расплакалась и ответила, что расстроена не из-за наших денег, а из-за того, что Клэр оскорбляет Найджела, совсем не зная его. К счастью, они скоро примирились: Клэр не могла долго сердиться и всегда глубоко переживала даже из-за самых мелких ссор. Она почти сразу же извинилась за свой тон, обняла дочь и сказала, что Глория – самое дорогое, что у нас есть, а завещание – это так, бумага, чтобы отпугнуть

любителей лёгких денег.

– А как насчёт Филлис Кроуди? Знала ли она о том, что фигурирует в последнем волеизъявлении вашей супруги?

– Жена никогда об этом не говорила, но, вполне возможно, что знала, ведь они с Филлис были близкими подругами. Кстати, незадолго до нашей годовщины Клэр пришла в голову замечательная идея – преподнести Филлис отписанные ей триста фунтов в качестве подарка к ближайшему дню рождения. Она посчитала – и, я думаю, вполне справедливо, – что упоминание подруги в завещании скорее похоже на издёвку, чем на заботу о ней. Жена сказала, что будет гораздо разумнее вручить эти деньги Филлис не в каком-то далёком, неведомом будущем, а прямо сейчас, пока она ещё может попользоваться ими в своё удовольствие. А о том, знала ли миссис Кроуди об этой задумке жены, вы можете спросить у неё самой.

– Благодарю за совет, я обязательно с ней встречусь. А сейчас мне хотелось бы уточнить одну деталь относительно вашего завещания. Вы сказали, что включили в него своего племянника Энгуса Бэйли. Он в курсе этого?

– Даже затрудняюсь ответить, – немного подумав, ответил Меллоуз. – Что касается меня, то я не посвящал его в такие детали, а вот Клэр… Думаю, она вполне могла сказать об этом Энгусу – это так в её характере.

– Что вы имеете в виду? – уточнил инспектор, заинтересовавшийся тем, что стояло за последней фразой собеседника.

Задумчиво потирая рукой подбородок, Грегори помолчал несколько секунд, затем устало продолжил:

– Видите ли, жене нравилось опекать тех, кто находился в сложной жизненной ситуации, даже если в этом и были виноваты они сами. Она сочувствовала всем столкнувшимся с разного рода трудностями, старалась поддержать их морально, а зачастую и материально. А Энгус… Мой племянник – художник. К сожалению, весьма посредственный. Он живёт на ренту, которая досталась ему от родителей, но денег ему катастрофически не хватает. Вот я и допускаю, что Клэр могла рассказать Энгусу о моём новом завещании, чтобы порадовать его приятной перспективой.

Райли удовлетворённо кивнул головой, как человек, получивший вполне устраивающий его ответ. Однако ему ещё многое надо было выяснить, и поэтому он, несмотря на подавленное состояние Меллоуза, продолжал задавать ему вопросы:

– Скажите, у вашей жены были враги или недоброжелатели?

– Нет, что вы! – ни минуты не раздумывая, ответил Грегори. – Враги?! Да это просто невозможно! – его взгляд внезапно ожил, и Райли отметил, что впервые за всё время беседы на лице мужчины появились эмоции. – Моя жена отличалась широтой души, её уважали и считали щедрым, отзывчивым человеком – собственно, она такой и была. Клэр состояла в благотворительном обществе Эшфорда и постоянно прини-

мала участие в организации различных аукционов, которые это общество проводило. К ней часто обращались за помощью даже те, с кем она была знакома лишь поверхностно.

Грегори сделал небольшую паузу, пытаясь найти более весомые слова, чтобы убедить инспектора в несостоятельности его предположения:

– Она не раз оказывала помощь и моему племяннику, – продолжил он. – Энгус одержим любовью к живописи, но, как я вам уже говорил, он до сих пор не смог добиться признания на этом поприще. И, чтобы дать ему возможность заработать, Клэр несколько раз устраивала выставки-распродажи его картин. Она морально и финансово помогла своей однокурснице по колледжу Велари Эпсон, когда та попала в серьёзную автомобильную катастрофу и долго пролежала в больнице. Жена на неделю уехала в Лондон, чтобы быть рядом с ней в трудный момент. Да и своей подруге Филлис Кроуди она не раз оказывала помощь. Когда её ныне покойный муж остался не у дел, Клэр попросила меня что-нибудь предпринять, и я устроил его в одну из подконтрольных мне фирм. – Меллоуз закончил говорить, глубоко вздохнул и добавил: – Наверно, я выразил свою мысль несколько сумбурно, но, так или иначе, моя жена была очень мягкой по натуре и с людьми всегда ладила. Так что я не знаю никого, кто мог бы желать ей зла и уж, тем более, смерти.

– Вы упомянули тётю вашей жены, Элеонор. Она не присутствовала на воскресном праздничном ужине?

– Нет. Дело в том, что миссис Аттвуд серьёзно больна. До последнего она скрывала это, но совсем недавно открыто заявила о своём диагнозе. Однако накануне торжества мы с Клэр навестили её. Она заранее нас поздравила и извинилась за то, что не сможет быть нашей гостьей.

– Элеонор Аттвуд богата?

– Да, после смерти муж оставил ей приличное состояние.

– Тогда я полагаю, она заблаговременно позаботилась о своём завещании?

– Разумеется. Миссис Аттвуд весьма благоразумная леди.

– Вы знакомы с содержанием этого документа?

– Да. Состояние миссис Аттвуд будет поделено между тремя её племянниками. Тётушка не делала из этого секрета. Возможно, потому, что все они наследуют примерно одинаковые доли. Немного больше других – сорок процентов – было завещано Клэр, а её родному брату, Руперту Флемингу, и кузине Лорне Хоскинс отписано по тридцать процентов.

– После смерти тёти ваша жена получила бы на десять процентов больше, чем брат и кузина. Такое решение миссис Аттвуд имеет какое-то объяснение?

Меллоуз ответил без малейших раздумий:

– Да, у тёти Элеонор имелись для этого основания. Клэр была единственной из родственников, кто заботился о ней, тогда как другие отговаривались занятостью и другими надуманными причинами. Жена искренне интересовалась здоровьем тёти, постоянно звонила ей и часто её навещала. Она

всячески старалась скрасить одиночество миссис Аттвуд.

– Что ж, благодарю вас за уделённое время. Как вы понимаете, мне нужно обязательно побеседовать со всеми, кто присутствовал на праздничном ужине в вашем доме. И чем раньше, тем лучше.

– Да, конечно. Вчера доктор Пейн обзвонил родственников и друзей и сообщил им эту страшную новость, – мгновенно изменившись в лице, произнёс Грегори. – Филлис была готова тотчас прийти в Уилбрук-Хаус, но я извинился и дал ей знать, что до утра хочу побыть один. Она поняла моё состояние и сказала, что непременно проведает меня в ближайшие дни. А завтра я жду Глорию. Думаю, она приедет вместе с Найджелом Стрэндом: вряд ли он отпустит её одну в такое тяжёлое для неё время. Вы не представляете себе, как я хочу видеть дочь. – Меллоуз замолчал, и на его глазах выступили слёзы. Однако он тут же взял себя в руки и не дал эмоциям прорваться наружу: – Сегодня-завтра также должны приехать Лорна с Брэндоном и мой племянник Энгус. Руперт с Мэгги тоже обещали навестить меня. Они проживают в Лондоне, но после звонка доктора решили до похорон задержаться в Эшфорде. Они остановились в отеле «Иствуд-Мэнор».

– Но, насколько я знаю, похороны состоятся только через три дня, – заметил инспектор.

– Да, это так, просто родственники сочли своим долгом поддержать меня.

– Что ж, я нахожу такое решение вполне уместным. Однако в интересах дела я не могу позволить себе ждать, когда ваши друзья и близкие соберутся в доме. С теми, кто проживает в Эшфорде или, по крайней мере, пока находится здесь, я встречусь раньше. А сейчас, мистер Меллоуз, мне хотелось бы побеседовать с прислугой. Это возможно?

– Разумеется. Как раз сейчас все слуги на месте. Прошу вас, пройдёмте в дом.

Глава 4

Экономка Джейн Тронтон оказалась немолодой сухощавой женщиной с аккуратной гладкой причёской, несколько длинноватым носом и неподвижными глазами неопределённого цвета. Её гордо поднятая голова и плотно поджатые тонкие губы говорили о том, что она не из тех, кто склонен долго разглагольствовать с посторонними, особенно с полицией.

– Миссис Тронтон, посмотрите внимательно на эту коробку, – начал разговор Райли. – Приходилось ли вам вчера видеть её?

Женщина скосила глаза в сторону извлечённой инспектором из бумажного пакета коробки, и с холодной учтивостью ответила:

– Затрудняюсь ответить. Может, и приходилось, но это не запечатлелось в моей памяти.

Райли решил зайти немного с другой стороны:

– Находилось ли вчера вечером что-либо на столе, который стоит в коридоре возле кухни? Возможно, ваза, посуда или что-нибудь другое. Меня интересует время с половины восьмого до восьми часов.

– Точно сказать не могу, но мне кажется, там ничего не было. Однако я этого не утверждаю.

– То есть вы допускаете, что на столе что-то могло находиться, в том числе и эта коробка с пирожными?

Экономка пожала плечами и невозмутимым тоном ответила:

– Да, допускаю, но я не уверена. Порой бывает, что человека не замечаешь, а вы о коробке говорите.

– Тогда скажите, не попадался ли вам кто-нибудь на глаза в коридоре, ведущем на кухню?

– Трудно держать в голове такие мелочи, когда в доме идёт подготовка к торжеству. Кто там только не околачивался с самого утра!

– А с половины восьмого до восьми часов вечера?

Миссис Тронтон прикрыла глаза, словно пытаясь воспроизвести в памяти события обозначенного инспектором временного отрезка.

– Мне трудно быть точной, потому что я не смотрела на часы. Кажется, около шести в сад вышел Энгус Бэйли, племянник хозяина. Он художник и делал там зарисовки. Он занимается этим всякий раз, когда навещает мистера Меллоуза. Примерно через полчаса я прошла в сад, чтобы забрать ножницы для срезания цветов, которые оставила утром в беседке. Там уже была Филлис Кроуди. Она сидела на стуле и позировала Энгусу. Чуть позже миссис Меллоуз спустилась вниз и поинтересовалась, не видела ли я её подругу. Я ответила, что она в саду позирует мистеру Бэйли. Хозяйка попросила меня пригласить её в библиотеку и распорядилась подать туда чай на двоих.

Женщина замолчала и с непроницаемым видом продол-

жала смотреть на инспектора.

– Если я правильно понял, всё это происходило примерно за полтора часа до праздничного ужина. А ближе к восьми часам?

– В дверь позвонили. Это был Найджел Стрэнд, друг Глории. Он хотел видеть хозяев. Я впустила его и сообщила о его приходе мистеру Меллоузу. Незадолго до того, как гости начали собираться в обеденном зале, хозяйка попросила меня принести свечи из кладовой, которая находится на противоположной от кухни стороне. Я вошла туда, но дверь не закрыла, и поэтому мне было хорошо видно, как Стрэнд шёл по коридору.

– К кухне?

– Может, к кухне, а, может, в сад, – исполненным достоинства голосом ответила экономка.

– У Стрэнда было что-нибудь в руках?

– Да, чёрный саквояж.

– Небольшой, как у доктора, или дорожный, вместительный?

– Думаю, дорожный.

– Больше вы там никого не заметили?

– Когда я нашла свечи, то отнесла их наверх миссис Меллоуз. Потом через какое-то время стала спускаться вниз и с лестницы увидела в холле Лорну Хоскинс, стоящую у гардероба. Затем я по поручению хозяйки узнала у шеф-повара, всё ли готово к ужину, и когда направилась в обеденный зал,

навстречу мне в сторону кухни прошла миссис Кроуди с коробкой конфет в руках.

– Скажите, у Клэр Меллоуз были враги или недоброжелатели? – спросил Райли, и этот вопрос несколько поколебал невозмутимость миссис Тронтон.

– Я не имею привычки подслушивать и подглядывать за хозяевами, – с обидой в голосе ответила женщина.

– Чтобы знать о врагах и недоброжелателях, совсем не обязательно подслушивать или подглядывать. Вы работаете в доме, и информация такого рода может дойти до вас и из других источников.

– Мне действительно ничего не известно о врагах и недоброжелателях миссис Меллоуз.

– Но вы допускаете, что они у неё могли быть?

– Я считаю, что никогда ни в чём нельзя быть уверенным, – ушла от прямого ответа экономка и, высоко подняв голову, дала понять инспектору, что беседа окончена. Однако Райли имел обыкновение заканчивать разговор тогда, когда считал нужным.

– Ваша хозяйка ссорилась с кем-то из родственников?

– Пусть об этом вам расскажут другие, – сухо произнесла Джейн Тронтон. – Я не возьму на себя ответственность причислить к врагам или недоброжелателям миссис Меллоуз каждого, с кем у неё возникали разногласия.

– Принимал ли кто-нибудь из прислуги сердечный препарат дигиталис?

– Думаю, что нет. Во всяком случае, никто из них на сердце никогда не жаловался.

– Что ж, тогда на этом все мои вопросы исчерпаны, – произнёс Райли, – вы можете быть свободны.

Следующей для беседы была приглашена кухарка Пэрис Бичем, невысокого роста толстушка лет сорока пяти, с пухлыми ручками и щеками, похожими на румяные яблочки. Её тёмные круглые глаза напоминали две блестящие бусины. Женщина с почтением и нескрываемым интересом смотрела на инспектора, и он понял, что, в отличие от миссис Трентон, она вовсе не прочь поговорить с полицией.

Райли задал ей вопрос, с которого обычно начинал беседу со всеми, кто находился в Уилбрук-Хаузе в то злополучное воскресенье:

– Миссис Бичем, взгляните, пожалуйста, на эту коробку. Не видели ли вы её вчера в этом доме?

В глазах Пэрис сверкнули живые огоньки: она склонилась над столиком и с каким-то детским любопытством осмотрела коробку со всех сторон. Затем, словно ребёнок, не удержавшийся от большого соблазна, протянула руку и слегка дёрнула за алый бант, венчающий крышку.

– Нет, не видела, – разочарованно выдохнула она.

Весь вид женщины говорил о том, что ей очень хотелось быть важным свидетелем в расследовании и находиться в центре внимания полиции.

Однако никакими сведениями, даже самыми незначи-

тельными, миссис Бичем не располагала и была явно огорчена этим обстоятельством.

– Возможно, в тот день вечером вы столкнулись с кем-то в коридоре возле кухни?

– Нет, – ответила кухарка, и в её голосе снова прозвучали нотки сожаления. – Увы, в воскресенье я почти не отходила от плиты. В тот день у меня было столько работы, что трудно и описать.

Вдруг она заметно оживилась и, всплеснув своими пухлыми ручками, всем корпусом подалась к детективу:

– А-а, кое-что вспомнила! Вечером я выскочила в сад, чтобы снять полотенца с верёвки. И тут ко мне привязался Энгус Бэйли, племянник хозяина. Он начал упрашивать меня: «Пэрис, попозируйте мне, пожалуйста! Ну хотя бы четверть часа. Вы такая колоритная особа!» Я отмахнулась от него: ещё чего выдумал – четверть часа! Да у меня и минуты свободной не было! Мистер Бенсон, шеф-повар из «Белого лебедя», то и дело подавал мне команды: это нужно размешать, это – обжарить, а это – посолить. О, он настоящий мастер своего дела! Знали бы вы, как ловко он орудует ножом. Мясо и овощи нарезает просто виртуозно, руки у него словно крылья!

Не давая Пэрис окончательно перейти на кулинарную тему, Райли прервал её восторженную тираду:

– Значит, позировать Бэйли вы отказались?

– Да я просто не могла себе это позволить! Но всё разре-

шилось удачно: не успела я отделаться от Энгуса, как в саду появилась миссис Кроуди, и он тут же переключился на неё. Да, ещё вот что, – поспешно добавила женщина после секундной паузы: – Примерно около восьми часов вечера я выглянула из кухни и увидела экономку Джейн Тронтон, с которой вы разговаривали до меня. Она что-то несла в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.